

«Мы стали более свободны, но начали терять ценности...»

На исходе 2014 года, юбилейного для нашего журнала, «Свободной Мысли» согласился дать интервью Сергей Вадимович Степашин, генерал-полковник, доктор экономических наук, профессор, видный российский политик, председатель наблюдательного совета государственной корпорации «Фонд содействия реформированию ЖКХ». С. В. Степашин — непосредственный свидетель и участник событий конца 1980—2000-х годов, ставших переломными в новейшей истории нашей страны. Деятельность Верховного Совета РСФСР последнего созыва, кризис и распад СССР, драматические события 1993-го, первая и вторая чеченские войны, неоднозначные по своим результатам реформы 1990-х годов, коренной поворот политического курса страны в период президентства В. В. Путина, «пятдневная война» 2008-го — все это факты не только недавнего прошлого России, но и личной биографии С. В. Степашина.

В эти годы его деятельность была поистине многогранной. В разное время он занимал ответственные посты главы парламентского комитета, директора ФСБ, министра юстиции, министра внутренних дел, председателя Правительства РФ, председателя Счетной палаты РФ. Кроме того, С. В. Степашин ведет большую общественную работу, в течение десяти лет является председателем Императорского православного палестинского общества.

Сегодня он, видевший многое и многих, — один из самых компетентных экспертов по проблемам нашего недавнего прошлого и ближайшего будущего. Об этом С. В. Степашин и размышляет в своем интервью, беседуя с главным редактором «Свободной Мысли» М. Г. Делягиным.

— Разговоры о том, что человечество вступает в качественно новый период своего развития, давно уже стали набившим оскомину общим местом. Тем не менее, с высоты Вашего жизненного опыта, согласны ли Вы с этим? Или же это просто проявление мании величия нынешнего поколения, которому обязательно хочется отличаться от всех предыдущих и которое эгоистично преувеличивает значение и болезненность собственных проблем?

— С одной стороны, действительно, мы наблюдаем новое качество развития человечества: качество как сугубо техническое, так и, в связи с развитием Интернета, новое качество общения. Думаю, что нас в этом плане назад уже не вернуть, никакой «железный занавес» никто уже не построит. Благодаря этому и человек становится несколько иным, нежели был раньше, поскольку попадает в новую среду, в которой он просвечен насквозь, как рентгеном, и почти ничего не может утаить.

Но с другой стороны, сохраняются такие явления, как войны, как сознательное уничтожение людей. Честно говоря, еще в Советском Союзе в 1960—1980-е годы — по крайней мере когда закончилась вьетнамская кампания — нам казалось, что все, точка, никаких войн больше не будет, мы этот ужас преодолели. Однако, к глубокому сожалению, прискорбные инстинкты не буду говорить каких именно людей и стран (хотя в первую очередь можно назвать те же США) — сохранились. И в свете этого говорить о том, что мы-де живем в новом, цивилизованном мире, в новой, разумной эпохе, просто не получается.

Ведь что выходит: захочется побомбить — побомбим; захочется свергнуть законную власть — свергнем; захочется назвать себя сверхдержавой — заявим. Атавизм, казалось бы, давно минувшего времени, к сожалению, никуда не исчез — и вот это меня больше всего беспокоит. Как бы не получилось так, что новые технологии, поступив в распоряжение старого рассудка, старых человеческих инстинктов и слабостей, приведут к очень серьезным негативным последствиям для всего мира. Примером, кстати, является то, что происходит сегодня на Украине (или в Украине, как угодно). В страшном сне не могло мне присниться, что сегодня Бандера и Шухевич будут национальными героями, а то, что делали мы все вместе, всем народом (у меня покойный тесть, Герой Советского Союза, освобождал Киев, его фамилия высечена на стене Славы), будет официально названо оккупацией.

Как это объяснить, я не понимаю. Насколько можно судить, здесь работают в принципе те же информационные технологии, очень сильные и мощные, — но люди-то должны сами думать! В Советском Союзе хотя бы рассуждать умели самостоятельно, отличать правду от лжи и пропаганды.

— Нас в свое время учили, что технологии — грубо говоря, производительные силы — во многом определяют устройство общества и прежде всего — производственные отношения. Бурное развитие новых технологий — компьютеров, мобильной связи, социальных сетей — сопровождается существенным изменением общественной жизни, от кризиса традиционной морали до подрыва международного права. В какой степени, на Ваш взгляд, социальные изменения объективно обусловлены технологическими новациями, а в какой они исторически случайны и потому в принципе поддаются исправлению?

— Вопрос, конечно, философский. Я все-таки думаю, что субъективный фактор имеет колоссальное значение. Да, безусловно, производительные силы, формируя экономическую базу, закладывают основу развития производственных отношений, как нас учили в свое время классики научного коммунизма и марксизма-ленинизма. Но если брать сегодняшний век, то, как мне представляется, субъективный фактор — в том числе, возможно, и благодаря новым информационным технологиям — во многих вопросах становится превалирующим. И далеко не всегда те производственные отношения, о которых мы говорим сегодня, могут, в той или иной степени, напрямую влиять на развитие интеллектуального потенциала.

Возьмем для сравнения Китайскую Народную Республику, которая осуществляет колоссальный, беспрецедентный научно-технический рывок отнюдь не только за счет ширпотреба и большого количества населения. Мы

долгое время считали правильным отсутствие влияния государства на экономику и даже изъятие государства из экономики: мол, рынок сам регулирует все значимые процессы, только не мешайте. Но в качестве антипода этой теории весьма убедительно выступает Китай. Да, безусловно, эта страна реформируется, да, безусловно, компартия уже не та, которая строилась на постулатах диктатуры пролетариата — сейчас они проповедуют несколько иные принципы. Однако при этом государство выступает достаточно мощным и разнообразным регулятором, и это позволяет достаточно успешно развиваться не только экономике, но и китайскому населению.

Этот пример прост, но убедителен. Поэтому, действительно, сегодня нельзя по-прежнему говорить о жестком формате влияния производственных отношений и производительных сил.

— *Международная политика драматически меняется. Государства — по крайней мере кроме США — теряют свое значение. Растет роль народных масс, региональных властей, разнообразных социальных сетей и даже сект (Исламское государство создано, по сути дела, сектой). Одновременно колоссальной и почти невидимой силой становится надгосударственный бизнес.*

Несколько лет назад швейцарские исследователи выделили ядро мировой экономики в тысячу с лишним небольших компаний, которым принадлежит основная часть всего мирового бизнеса. А когда российские аналитики изучали украинские события, обнаружилась малоизвестная фирма «Vanguard»: это крупнейший акционер «Google», а с другой стороны — крупнейший акционер корпорации «Monsanto», которую мы знаем как производителя генно-модифицированной продукции. Менее известно, что эта же «Monsanto» владеет крупнейшей американской частной военной компанией, воюющей на Украине. Эти неожиданные цепочки показывают, что мировая политика осуществляется уже отнюдь не только государствами и в их интересах.

Как, на Ваш взгляд, могут меняться типы ключевых участников мировой политики в дальнейшем, и не ждет ли нас переход от межгосударственной конкуренции — грубо говоря, американо-китайского противостояния как стержня мировой политики — к противостоянию в качестве ее стержня, например, инвестиционного банка и крупной религиозной секты?

— Хороший вопрос. Я думаю, что одно другому не мешает, и нельзя пренебрегать значением ни того, ни другого. В любом случае, с моей точки зрения, основным содержанием международной политики ближайшего времени станет противостояние двух сверхдержав — США и Китая, и все в мире прекрасно это понимают. В том числе это понимают и американцы: обратите внимание, как существенно они поменяли риторику в своих отношениях с Китаем! Ни о каких правах человека, ни о каких претензиях в этой сфере практически больше не слышно ни слова.

— *Главное событие «большой двадцатки» в Брисбене — инвестиционное соглашение между Китаем и США.*

— Да, безусловно. Руководство США прекрасно понимает растущее значение и мощь Китая и поэтому начинает по-своему заигрывать с ним. Тем более что другой глобальный игрок, которым оказалась Европа, а точнее — Евросоюз во главе с Германией, показал свою полную несостоятельность,

в частности в ситуации с украинским кризисом. А вот что касается банков и того, что мы называем религиозным экстремизмом, то противостояние в этих сферах представляется пока параллельным процессом. Мы вообще недооцениваем сегодня ситуацию с вновь возникшей очень серьезной угрозой, которую я не хочу называть «исламизацией», чтобы никого не обижать. Поскольку то, что сейчас делает ИГИЛ, что делают террористы в Сирии и Ираке, — это не ислам.

— *Это очень извращенный ислам.*

— На самом деле это вовсе не ислам; это даже не ваххабизм, если брать его в узком смысле. Так вот, появление этой новой силы представляется очень серьезной угрозой, тем более что это сила необузданная, достаточно эффективно воюющая с расслабленными структурами Запада — как Европы, так и США. И как ни странно, эта новая сила получает достаточно серьезную подпитку. Наблюдающееся подчас объединение крупного бизнеса, капитала, в том числе финансового, готового кооперироваться, лишь бы получить сверхприбыль, почти по Марксу, с кем угодно с одной стороны, и с другой — так называемого экстремизма, прикрывающегося религиозной риторикой, представляется мне самой большой опасностью из всех, какие существуют сегодня. И никто еще толком с ними не смог справиться.

Не обращая должного внимания на этот союз крупного капитала с религиозным экстремизмом, мы дождались Афганистана, благодаря которому США подарили нам «Талибан», а потом и «Аль-Каиду». Мы получили (я имею в виду «цивилизованный мир», который так себя называет, мы ведь тоже европейская страна) ситуацию в Сирии, ситуацию в Ираке, Ливии. Да и у нас в России далеко не все спокойно в Дагестане: я не хочу сравнивать положение в нем и в перечисленных странах, но оно также чревато риском. И постоянная разнообразная подпитка угрозы, которую создает экстремизм, является самым главным сегодняшним вызовом для всего мира. Очень жаль, что пока нас толком так и не услышали. Хотя, обратите внимание, в настоящее время американцы бомбят тех, кого они сами вырастили и долго подкармливали.

— *Средний класс погибает или стагнирует в большинстве стран мира. Наверное, единственное исключение — это Китай, и то не факт, что надолго. Между тем, спрос среднего класса является основой современной экономики, а его интересы являются основой современной демократии. Что будет с миром в случае его дальнейшего сокращения?*

— Обнищание абсолютного большинства людей, создание небольшой прослойки сверх богатых ведет к одному — к серьезным политическим и социальным катаклизмам. Если мы, человечество, позволим сохраниться сложившимся в этой сфере тенденциям, мы просто взорвем мир. Не понимать этого — огромнейшая ошибка. Жалко, что этого не слышат покойные Рузвельт или Бухарин, написавший замечательную Конституцию, — хотя Вы знаете, чем это закончилось.

— *Да, самая демократичная Конституция, против которой восстал правящий класс. А что говорил Рузвельт?*

— В период Великой депрессии, кроме введения запретов и ограничений на спекулятивную деятельность, он простимулировал создание огромного количества рабочих мест. Прекрасно понимая, что голодная очередь может закончиться серьезными погромами. Мы же тоже в конце 1980-х годов народ в очереди поставили. Помните? Я сам тогда депутатом избирался в Верховный Совет.

— *Февральская революция 1917 года возникла именно из безысходных очередей.*

— Совершенно справедливо.

— *Но тем не менее, несмотря на всю важность материальных стимулов, в целом ряде общественных конфликтов последнего времени — например, на киевском Майдане — мы увидели массы людей, которые не просто последовательно, но очень часто даже вполне сознательно выступали против своих материальных интересов ради получения тех или иных эмоций. Насколько устойчива эта тенденция, когда люди начинают преследовать не интересы, а эмоции, насколько она нова, чем вызвана и куда может привести?*

— Это было всегда. Человек ведь существо эмоциональное, даже если он прячет свои эмоции от окружающих. И вопрос надо иначе сформулировать: а чем были вызваны эти эмоции? С одной стороны, они были вызваны недовольством властью, коррумпированной, нечистоплотной и лживой, как считало большинство населения. А с другой стороны (и мы на это не обратили внимание, в том числе в связи с тем, что я занимаюсь спортом, возглавляю наблюдательный совет «Динамо»): кто начал «заводить» Майдан? Школьники 16—17 лет, двадцатилетних там уже практически не было. Их вели как раз те эмоции, о которых мы с Вами говорим. Эмоции ведь не могут длительное время руководить человеком, они на чем-то останавливаются, выдыхаются — и с возрастом, и по мере совершения под их влиянием тех или иных действий. И лишь тогда, когда эмоции ослабели, человек начинает задумываться о материальных ценностях.

Коли мы с Вами вспомнили Майдан, давайте вспомним и то, о чем на самом деле сейчас переживают бывшие так называемые «революционеры». Они одержимы деньгами и властью.

— *Да уж, не за эмоции, не за идеалы они сейчас проливают чужую кровь. Еще хотелось бы спросить: сейчас много говорят о проблемах и пороках современного мира, о том, какие его элементы стали хуже по сравнению со временем до распада Советского Союза и, соответственно, до начала глобализации. А что в общественном устройстве стало лучше с того времени — и у нас, и в мире в целом?*

— Наиболее концентрированный ответ на этот вопрос таков: мы стали более открыты. Соответственно, нас все-таки стало сложнее обмануть, хотя это и можно сделать. Стала более доступна информация, люди стали более свободны — разумеется, в определенной степени, так как разнообразные ограничения по-прежнему существуют. Что касается того, что стало хуже — и это звенья одной цепи с тем, что стало лучше, — мы стали

терять ценности, благодаря которым человечество, собственно говоря, и состоялось. Я имею в виду ценности семьи, взаимоотношения полов, положение детей и старших, религиозные скрепы. Ведь практически все европейские страны, кроме Польши, даже Италия, Франция, Германия и Испания теряют эту почву.

Кстати, это проблема в том числе и нашей страны. Seriously верующих в нашей стране процентов 5, процентов 7—8 — жестких ненавистников церкви вообще. Остальные могут прийти, посмотреть, покреститься, повенчаться (это реже, правда): для них религия — это нечто интересное, но не более.

— Мы находимся в глубоком кризисе, но кризис — это переход в некое новое состояние или возвращение к старому равновесию. Когда, на Ваш взгляд, может наступить это новое состояние равновесия, каким оно будет? И какие правила игры будут действовать в его рамках?

— Если бы я знал ответ на этот вопрос, я был бы Нобелевским лауреатом. В любом случае, как нас учили классики (в том числе и в журнале «Коммунист», это был очень читаемый журнал — мной, по крайней мере), кризис длиться вечно не может. Есть два принципиально различных возможных выхода из серьезного экономического, социального, политического и глобального кризиса, — а мы сейчас переживаем, на мой взгляд, именно глобальный кризис.

Первый выход — это крупная война, которая закончится очередным переделом мира, — чего бы очень не хотелось, с учетом наличия ядерного оружия. Однако эту возможность и этот аргумент никто, к сожалению, не спрятал в карман — обратите на это внимание. Второй возможный выход — это поиск новых игроков, которые кардинально изменят и соотношение сил, и саму конфигурацию, порождающую кризис. Хоть Ленин и критиковал лозунг о Соединенных Штатах Европы, жалко, что это до сих пор не получается: возможно, здесь срабатывает субъективный фактор. Однако консолидация России и Евросоюза, России и Европы в целом, которая создала бы принципиально нового игрока, — это тоже потенциальный выход из кризиса.

Для меня идеальный вариант — сотрудничество России и Германии. Думаю, для нашего президента он был бы таким же; но, как видите, госпожа Меркель нас подвела. Гэдээровское, комсомольское прошлое, видимо, сработало. Был бы канцлером Германии Гельмут Коль — думаю, по-другому строились бы многие отношения, и главное — в мире возник бы тот баланс, который дал бы нам возможность спокойно разговаривать с товарищами из Северо-Американских Соединенных Штатов.

А третий глобальный центр силы — Китайская Народная Республика. Этот треугольник мне представляется, если брать геополитический аспект, балансом более-менее предсказуемого мира — и в экономическом, и в социальном, и в политическом плане. В любом случае думаю, что лет через 100—150 мы будем жить в другом мире, где границы между государствами — не государства как таковые, а именно границы между ними, — должны исчезнуть. Возможно, произойдет какой-то очень серьезный технологический прорыв, о котором сегодня мы даже не догадываемся.

Но, если снова вспомнить о Всевышнем, может быть, Он нам кого-нибудь пришлет еще. Он же тоже наблюдает за нами, будем на Него рассчитывать.

— Да, и постараемся как минимум не огорчать... Меняют ли, на Ваш взгляд, новые технологии природу человека, или же она остается прежней и лишь несколько по-другому раскрывается при помощи этих технологий?

— По-другому раскрывается. Хотя технологии очень активно влияют на человека, делая его, с одной стороны, как бы более «продвинутым». Этот термин не очень хороший и мне не нравится, но другого я пока не нашел. А с другой стороны, современные технологии исключительно сужают индивидуальный потенциал человека. Очень простой пример — чтение. Я это знаю, так как являюсь еще и президентом Российского книжного союза: как это ни удивительно, мы занимаем второе место в мире по читающим детям в возрасте до 10 лет. Однако уже в возрасте 14—16 лет наши дети по этому же показателю оказываются на 80-м месте! А ведь чтение — это именно тот инструмент, который не просто дает знания, но и развивает человека, учит его говорить, мыслить, анализировать, самостоятельно формулировать мысли. Мы ведь дошли до того, что у нас человек уже не может ни грамотно написать письмо, ни понятно сформулировать собственные мысли.

Свои проблемы люди все чаще решают тем, что забираются в Интернет. Недопонимание масштабов и последствий этого — вещь очень опасная. И самое главное — отсутствие чтения и злоупотребление Интернетом формируют совершенно других детей — закрытых, замкнутых, интересующихся лишь определенным кругом. Человеческую личность действительно проще сформировать при помощи Интернета, нежели посредством чтения, — но такой личностью легче манипулировать, легче управлять. И это уже не сказки братьев Гримм: может случиться так, что управлять нами будут те, кого мы сами технически, технологически создали. Это перспектива вполне реальная — и исключительно опасная.

— Вы входили в состав российского руководства в исключительно драматические периоды истории. Как Вы оцениваете с высоты своего жизненного опыта путь, который к настоящему времени прошла наша страна? Что было правильно, а что — нет, и что Вам представляется главным в нашей истории, начиная с Горбачева?

— Ну, что касается моих должностей в драматический период: не было бы драматических периодов — не было бы и таких должностей. Как правило, на изломе общественного развития происходит выдвижение людей (позвольте мне не характеризовать себя как-то обособленно) не по постепенным ступенечкам карьерного роста, что называется.

То, что это был драматический период, — согласен полностью. Начну с минуса, с главного минуса: с потери общей страны. Это самая большая трагедия. Я не называю ее Советским Союзом, потому что у нас не было «Союза Советских Социалистических Республик»: была большая держава. Да и Советов у нас тоже не было. Мы шли, кстати, на выборы под лозунгом покойного Сахарова «Вся власть Советам!». Мы сейчас об этом забыли. И никто, тот

же Сахаров, не ставил вопрос о распаде Союза: нас вели вперед совершенно иные, гуманные принципы.

Потеря общей страны — это трагедия как минимум для 25 миллионов русских, которые в одночасье оказались за рубежом. Последствия этого тяжело переживаются сегодня и нашей страной, и всеми странами бывшего Советского Союза — всеми без исключения, в том числе и прибалтийскими республиками, которые отнюдь не стали жить лучше и не стали более независимыми, чем они были в Союзе, — кто бы что ни говорил. Это большой минус.

Второй минус субъективного плана — то, что мы, может быть, не так грубо, как это было сделано в Восточной Европе, но отказались от своего богатейшего кадрового потенциала. Правда, все-таки закон о люстрации нам в свое время удалось отменить. «Нам» — значит, в том числе и Вашему покорному слуге, потому что я выступал с соответствующим докладом после комиссии по расследованию деятельности КГБ и ГКЧП. Внесенный тогда закон о люстрации я провалил, честно Вам скажу, — хоть кто-то и будет меня за это сегодня ругать. Но, несмотря на все это, мы потеряли очень серьезный кадровый потенциал. Многие люди были совершенно необоснованно просто выброшены на улицу; взамен профессионалов пришлось много того, что называется «политической пеной». Сейчас мне скажут: «Ты такой же», — ради бога, я готов это принять на себя.

— *У меня сейчас перед глазами прошла череда лиц.*

— И это, конечно, был сильнейший удар по кадровому потенциалу страны, который и сегодня так и не восстановлен. Это не только высшая управленческая элита: это и среднетехнический персонал, и рабочий класс (прошу прощения за терминологию), которого у нас практически не осталось. Уничтожение колоссального кадрового потенциала великой державы было сильнейшим ударом.

Из достижений следует отметить то, что нам все-таки удалось более-менее бескровно разойтись: это не Югославия. Второе достижение — мы сохранили ядерное оружие и остались постоянными членами Совета Безопасности ООН. За это спасибо, конечно, тем, кто это сделал, в том числе и Ельцину, которого сегодня только ленивый не ругает. Тогда нам удалось его убедить — в том числе и мне, как члену Президиума Верховного Совета и председателю Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета России, который тогда был законодательной властью, а не представительной. И что ядерное оружие ушло из всех бывших союзных республик — это тоже огромное достижение, которое сегодня, видимо, многим не нравится.

— *На примере Украины мы увидели всю колоссальную значимость этого достижения.*

— И наличие ядерного оружия все-таки дает нам возможность вести диалог в «большой двадцатке» — бог с ней, с «восьмеркой».

Третье достижение — мы все-таки стали более свободными людьми, что бы мы про это сейчас ни говорили. Я отнюдь не ругаю Советскую власть, не ругаю тот строй. Я в нем вырос, я в нем стал кандидатом наук, полковником, обеспеченным по советским временам человеком. Но, честно говоря,

не хотелось бы возвращаться назад, в ту историю. Жить с тех пор стало интереснее — в том числе и с точки зрения возможностей посмотреть мир, услышать других, себя показать, наработать новый потенциал.

Таковы, наверное, плюсы и минусы прошедшего времени; хотя глубинных минусов, недостатков все-таки, на мой взгляд, больше.

А что касается Михаила Сергеевича — то дело же не в нем. Я с трудом себе представляю, что мог бы сделать на его месте любой другой человек... Мне сейчас скажут: «Что ты его защищаешь?» Но я никого не защищаю, я просто пытаюсь объективно подойти к этой трагической фигуре. Он мог бы порвать со своим окружением сразу. Но он, Вы помните, и попытался это сделать, хотя, может быть, и не очень удачно. Конечно, сейчас говорят, что он мог бы возглавить обновленную КПСС, и 80 процентов коммунистов пошли бы вместе с ним на этой базе, — но это разговор в пользу бедных. Ведь Горбачев пришел из той же среды, что и все остальные, и по-другому он себя вести просто не мог. А из чужой среды никто в той ситуации не мог прийти к руководству страной. Вот и все, увы: это замкнутый круг, и мы в него попали.

А кроме того, уже прошло больше двадцати лет после развала Советского Союза, а Михаила Сергеевича все ругают. Хватит уже, прошло столько времени, что пора бы посмотреть и на самих себя.

— Да, это примерно так же, как еще и в конце 1970-х умудрялись кивать на «родимые пятна капитализма»...

Какие, на Ваш взгляд, основные вызовы предстоит преодолеть нашему обществу, каковы наши главные возможности и главные проблемы? Что нам грозит, и каковы главные, базовые перспективы России?

— Сейчас самая большая проблема России — Украина и Юго-Восток. С Крымом, по-моему, все понятно уже даже и украинским товарищам. Ситуация на Юго-Востоке и вопрос о том, что делать с этой ситуацией дальше, — вот что является самым главным вызовом, самой главной проблемой.

Для меня очевидно, что ребята из Брюсселя и Вашингтона, особенно из Вашингтона, с удовольствием наблюдают за ситуацией и анализируют, втянется Россия в эту войну или нет. И уже потирает ручки все еще живущий господин Бжезинский, с которым я встречался в 1991 году в нашем «Белом доме», до сих пор носящийся со своей идеей расчленения России на большие и малые княжества. Пожалуй, сегодня, если брать внешнеполитический аспект, это самый большой вызов и самый тяжелый для президента страны выбор — потому что мы взяли на себя, давайте говорить откровенно, заочное управление этим процессом.

Вторая наша проблема, второй вызов — это отсутствие промышленной политики. Мы пытаемся что-то предпринимать в направлении ее формирования, но как-то не очень успешно. Я сам и в правительстве, и в Счетной палате проработал много лет и никак не могу найти ответа на простой вопрос: почему успешная страна — да, зимняя, да, холодноватая, но не холоднее, чем Канада или Норвегия (мне Канада более симпатична в качестве сравнения: и народ похожий, в хоккей так же хорошо играют и в футбол — не ахти), — почему за столько лет мы так и не смогли выработать собственной промышленной политики как таковой.

Умные люди, территория, природные ресурсы, опыт, знания — все налицо, а промышленной политики нет. Почему так — я до сих пор не могу понять. Есть разные версии, в первую очередь связанные с оценкой правительства. Но, будь оно плохим или хорошим, причем оно тут? Хотя качество правительства тоже влияет на ситуацию, но отнюдь, на мой взгляд, не является решающим фактором. Поэтому главная, по-моему, задача нашей страны заключается в том, чтобы ответить на этот вопрос, правильно поставить диагноз, выбрать путь и твердо его придерживаться, потому что мы постоянно что-то вводим, меняем и, по сути, устраиваем себе скачки на одной ноге. А поставив диагноз, необходимо сделать экономический рывок, потому что при эволюционном развитии мы неминуемо отстанем и в итоге никакой значимой цели не достигнем, так и оставаясь бурым или белым медведем, которым нас обзывают.

Вот это — главные задачи и главные проблемы. Обобщающей формулой для них является «структурная реформа», о которой мы говорим; но слово «реформа» не хочется применять, так как народ сразу начинает переживать и плевать во все стороны. Мы должны построить новую экономику в нашей стране, мы просто обязаны это сделать — другого пути у нас нет. В противном случае никто с нами разговаривать и иметь дело не будет, как бы мы ни надували щеки и не кричали об общей истории.

У нас две темы, два вызова и две основные задачи перед страной. Понимание этих тем, осмысление этих вызовов, решение этих задач потянут за собой все остальное: и социальный аспект, и средний класс, и образование, и общее развитие. Все остальное: политические реформы, партии, движения, более самостоятельная Дума, парламент, ответственность, демократия — это все правильно, но вот названные две задачи являются основными.

Нам ни в коем случае нельзя повторить Михаила Сергеевича, когда он нанес удар по штабам и разрушил политическую систему, сохранив внизу море непонятно чем занимающейся экономики. Надо было действовать потихонечку — как Ленин, вводя нэп. Я, правда, не знаю, Ленин ли разрабатывал основные очертания нэпа, — он уже болел тяжело; скорее всего не он, а в принципе и Николай Иванович Бухарин тот же.

— *Еще до Кронштадтского мятежа стали пытаться выскочить из военного коммунизма — и так, и эдак. Но только Кронштадтский мятеж окончательно сказал: «Все, ребята, останавливайтесь, так продолжать больше нельзя».*

— Ну и Тамбовское восстание, это тот же самый год.

— *Вы являетесь председателем Императорского православного палестинского общества. Расскажите, пожалуйста, о нем, как и почему Вы его возглавили и какие задачи перед собой ставите на этом посту.*

— Об этом можно рассказывать бесконечно. Я изложу очень коротко, конспективно. Возглавляю общество десять лет, инициатива принадлежала покойному патриарху Алексию II. Он ко мне обратился с такой просьбой, а также Сергей Лавров, министр иностранных дел. Лавров, как министр, был заинтересован в наличии площадки работы на Святой земле, а Алексей II — потому что это общество является императорским православным. Отказать им я, естественно, не мог, поэтому и возглавляю десять лет данное общество.

Это старейшая международная организация нашей страны — ей 132 года. После 1917 года она выжила и работала на протяжении всей советской истории, только из названия были убраны слова «императорское» и «православное»: оно именовалось просто Палестинским обществом.

Я принял решение вернуть ему историческое название и официально провозглашаемые задачи — какие и были при царе-батюшке. Кстати, создавалось Императорское православное палестинское общество (ИППО) по указу Александра III Миротворца — на мой взгляд, самого успешного императора. И человек хороший был, семьянин, людей уважал, жену любил, и она его любила. Это редкостное явление в императорских фамилиях.

Так вот, ИППО призвано решать три основных задачи. Первая — продвижение России на Святую землю, в исторической формулировке, а сегодня это прежде всего возвращение того, что за неделю до отставки отдал Никита Сергеевич в рамках так называемой «Апельсиновой сделки». В соответствии с ней вся собственность, которая принадлежала нам, продавалась за 1 миллион рублей в обмен на апельсины и текстиль.

— *Один миллион?! Рублей??*

— Да. Вообще-то, за такое сажать надо. За эту сумму было передано все: это часть духовной миссии, 12 подворий, школы, больницы. Исторически мы в Иерусалиме, на Святой земле, имели огромное количество земель и собственности — больше всех остальных. Создавалось это десятилетиями; а Никита Сергеевич одним росчерком пера все продал. Сейчас мы это возвращаем. Хотя и с трудом.

Надо отдать должное руководителю Палестины Аббасу: он вернул все земли, которые нам принадлежали. Мы построили на них среднюю школу, культурный центр, центр ИППО, парковую зону в Иерихоне — в том самом месте, где Иисус 40 дней молился и сказал великие слова: «Не хлебом единым жив человек». То есть мы решаем ту задачу, которую в свое время решало ИППО. Я называю это гуманитарным возвращением на Святую землю.

Вы знаете, почему арабы исторически к нам хорошо относятся? Потому что мы к ним никогда с оружием, в отличие от турок и англичан, не приходили. Мы всегда приходили со школами и добром, и по сей день они это помнят. Это уникальная скрепа — кстати, существующая и сегодня. Сейчас мы помогаем людям в Сирии и в самой Палестине.

Вторая задача ИППО заключается в изучении нашего исторического наследия: в этом отношении там край непочатый работы. С точки зрения науки, исследование Святой земли — это кладезь, который просто не с чем сравнить.

— *Ее же, наверное, никто и не исследовал-то никогда толком с научной точки зрения.*

— Вот мы сейчас этим занимаемся системно. В частности, поднимаем все архивы, которые были наработаны идеологами ИППО еще до революции.

Наконец, третья наша задача — до революции это называлось «паломничество», а сейчас мы расширяем возможность посещения нашими людьми святых мест. Ведь обычные туристы или паломники, как правило, приезжа-

ют лишь в Иерусалим, к гробу Господню, реже — в Вифлеем, место, где родился Иисус.

— *На Иордань еще люди ездят.*

— Да, в речке искупнуться. С той и с другой стороны.

— *Часто вот именно с этой формулировкой про «речку».*

— Но на Святой земле огромное количество святых мест — в том числе в самой Палестине. Так вот, должен сказать, что мы сделали очень серьезный прорыв: в прошлом году в одной лишь только Палестине побывало уже полмиллиона наших граждан. И едут, и едут. Мы делаем сейчас туристические сборники, у нас есть договоренность об этом с Министерством туризма Палестины. Это хорошая вещь. И Вы знаете, сколько людей с удовольствием едет прикоснуться к святыне. И оттуда человек приезжает уже другим, поверьте.

И еще одну задачу мы взяли на себя — гуманитарная помощь христианам на Ближнем Востоке. Мы отправили 12 больших гуманитарных грузов в Сирию, сейчас отправляем в сектор Газа. В Дамаске в следующем году будем строить первую русскую школу, их в Сирии до революции было 80. Таковы главные задачи, которые решает ИППО. У нас небольшая организация, в ней персональное членство, и сейчас в ней состоит полторы тысячи человек. Есть почетные члены во главе с Патриархом; это Сергей Лавров и Евгений Примаков, Сергей Собянин и Юрий Лужков — как был, так и остался. Кстати, здание ИППО давал Лужков: это был замечательный особняк XVII века, который стоял в полном запустении, и отремонтировать его помог уже Сергей Семенович Собянин. ◆